

ЯН РИВЕР

ОХОТА НА ЛИСИЦУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ян Ривер

Охота на лисицу

«Автор»

2026

Ривер Я.

Охота на лисицу / Я. Ривер — «Автор», 2026

В мире, где лисы — угнетённое меньшинство, Сай идёт на крайние меры, чтобы спасти младших сестёр от ужасов Приюта. Продажа себя в кажется единственным выходом, но цена оказывается страшнее, чем она думала. Её берёт под защиту загадочный Леонард, но его помощь — не просто жест доброй воли. Тем временем в городе орудует убийца, а расследование ведёт Дерек — старший брат Леонарда, полицейский, для которого закон превыше всего. Но правда оказывается сложнее, и граница между жертвой и монстром стирается.

© Ривер Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Охота на лисицу	5
Пролог	5
Глава 1. Последний километр юный	8
Глава 2. Выход в город	17
Гла	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ян Ривер

Охота на лисицу

Охота на лисицу

Пролог

*В забытом ныне городе жила девица
Великим самураям от любви не спится
Лица жадные горят. Как не влюбиться?
Но в хитрых девичьих глазах кошмар таится*

Автомобиль мчится по верхней полосе, Дерек без зазрения совести включает мигалку. Тревожный узел в груди стягивает внутренности так, что ноет сердце. Он и сам себе не может объяснить, почему так сильно испугался, что теперь едет к Лео без предупреждения.

Возможно, третья жертва, переводящая убийства в разряд серийных, его слишком волнует. Нет, он не напуган, странно пугаться, когда работаешь не первый год. И все же. Сцена преступления выглядит особенно... неприятно.

И эта выжранная печень. Он и без экспертизы уверен, что это дело лиса. Блядские кроважденные хищники.

Лео открывает дверь как-то медленно, за пару минут задержки Дерек успевает накрутить себя до кома в горле. Однако брат вполне жив и цел, только смотрит как-то недружелюбно и не спешит пускать в квартиру.

Дерек отгесняет его плечом, проходя внутрь.

— Я тут ехал мимо и решил заглянуть на кофе, — он выдает дежурную отмазку, чтобы не выглядеть совсем параноиком.

У них уже был этап ссор, когда младший брат яростно сопротивлялся его опеке. Дерек научился отступать, а в тех случаях, когда не мог, хотя бы для приличия маскировать свои тревоги.

Леонард, конечно, все понимает, но статус кво соблюдать необходимо.

— Да, сейчас сделаю кофе, садись, — Лео кивает на барную стойку.

— Руки только помою, — ему не мешает умыться холодной водой.

С Лео все нормально, надо отпустить тревогу в канализацию. Ему кажется, что Лео словно хочет его остановить, бросившись наперерез. Но он ближе, и уже открывает дверь.

Из темноты ванной он ловит отблеск глаз и включает свет.

Его первая реакция, выученная за время работы, — выхватить пистолет.

— Я безоружна, — глаза у нее цвета болотных вод, пустые, холодные, равнодушные.

Она поднимает руки ладонями вверх и говорит таким голосом, словно встретила с агрессивной бродячей собакой.

— Я не представляю угрозы — еще ни от одного лисьего отродья он не слышал таких интонаций.

Он ей не верит. Все лисы — это угроза. Особенно те, что прячутся. Законопослушные граждане не прячутся от полиции.

Глаза у нее не выражают ни страха, ни подобострастия. Все равно что смотреть на дно засохшего колодца.

— Дерек, прошу тебя, не сходи с ума! Просто успокойся! — зато в голосе брата страха и мольбы хватает на двоих.

Мгновение Дерек словно смотрит на себя со стороны, и ему хочется засмеяться. У Лео маленькая, но уютная ванная – обжитая, устроенная с вниманием к деталям и комфорту. Вся эта сценка на таком фоне смотрится дико: лиса стоит в углу, заслоняя собой двух мелких лисичек, а он направил на нее пушку, как коп из дурного сериала. И умоляющие крики на фоне, куда же без них.

Дерек опускает пистолет, но убирать не спешит. Смотрит на нее, и ему кажется, что за непроницаемым выражением лица скрывается насмешка. Она его бесит. Но устраивать самосуд, не разобравшись в происходящем, – не в его правилах. И Лео вряд ли будет благодарен за бардак в ванной.

— Вам придется все мне объяснить, — Дерек разворачивается и толкает дверь свободной рукой, судя по звуку, едва не заехав по Лео.

Смотреть на брата почему-то оказывается стыдно. Он мчался сюда, беспокоясь о его безопасности, но сейчас Лео выглядит так, как будто Дерек – единственная опасность, которая ему угрожает. Даже две мелкие лисички выглядят спокойнее. Он уже видел этот взгляд – смиренное принятие любого исхода, когда от тебя ничего не зависит. Сколько им, лет по тринадцать? Подростки – даже лисьи отродья – должны быть совсем другими, и у него свербит в затылке.

— Дерек, послушай, ты все не так понял, — умоляющая интонация брата режет слух, как будто тот пытается успокоить жену, которая внезапно застала его с любовницей. Какая гадость.

Глядя на серьгу в лисьем ухе, Дерек думает о том, что все замять уже точно не получится. Укрывательство лисьих тварей – это тебе не на ногу наступить случайно. Как Лео вообще мог с ними спутаться?

Старшая лиса садится на диван между младшими. Несмотря на их внешнее спокойствие, Дерек сразу замечает, как лисята жмутся к ней ближе в поисках защиты. Вроде бы лисы никогда не были стайными тварями. С другой стороны, своих щенят они обычно берегут.

— У тебя есть ровно одна фраза, которой ты можешь объяснить мне, почему я не вызываю прямо сейчас службу отлова, — Дерек опускается в кресло напротив дивана, и пистолет глухо стучается о подлокотник.

Одна из лисят нервно сглатывает. Старшая же смотрит все так же – пусто и холодно, и Дерек невольно задумывается, есть ли у этой твари душа или что там должно отвечать за эмоции. Но ей их заменяет Лео, который тут же останавливается за спинкой дивана, устраивает руки на плечах лисы, словно бы стремится показать Дереку – это свои.

Лисы никогда не были и не будут своими.

— Дерек, ты не понимаешь, девочки остались сиротами, – Лео такой просительный, что даже у лисицы дергается недовольно нос, — Им просто некуда идти, я хочу защитить их!

В отличие от Дерекы, Лео вызывает у девчонки эмоции. Ее выдают подрагивающие уши – словно она вот-вот прижмет их к голове и зашипит. Видимо, гордая тварь считает, что защита ей ни к чему. Конечно, зачем защищать хищников от их жертв? Кажется, даже Лео понимает, что что-то не так, потому что он резко убирает руки. Смотрит умоляюще.

— Давай ты сначала нас выслушаешь, ладно?

Наивный, милый Лео. Готов поверить даже лживым тварям. С другой стороны, она уже на мушке и никуда не денется без своих лисят. Возможно, ему удастся прочистить голову брату, если он поймет, что она ему наговорила и как обманула. Рушить отношения с Лео из-за нее нет никакого желания.

— По очереди, быстро и без лишних эмоций, — он кивает на лису, — Ты первая.

Посмотрим, где их версии не сойдутся.

Глава 1. Последний километр юный

*Взрослею наобум, взрослею наугад,
Больше формально, чем наверняка*

Очередь к западным воротам как всегда тянется издалека, но движется привычно быстро. Уставшие за день рабочие крепко сжимают в руках пропуска и идентификационные карточки. Сай смотрит вверх и шуруется на последние кроваво-красные лучи солнца, укатывающегося за крыши цехов. Духота и жар не спадают даже вечером, и Сай чувствует, как по спине под формой катятся противные капли пота.

Лето выдалось особенно жарким, и вентиляторы на складе не мешали помещению превращаться в одну большую железную духовку, в которой они медленно запекались всей бригадой. Вода в танкере была теплая и мутная, почти не утоляла жажду, и под конец смены Сай чувствует себя курагой, которую высушили прямо на ветке.

Очередь делает следующий рывок, и Сай толкает вперед тележку, подпрыгивающую на неровном асфальте. Одно из лежащих сверху яблок стремится сбежать из ящика, но она легко его подхватывает. Каждый овощ и каждый фрукт в тележке на вес золота – им не так часто выдают пайки. А сегодня главной на смене была Рори, которая всегда старается списать побольше и подсунуть Сай в тележку. Немалый вес груза Сай только радуется.

Надо бы отхватить сестренкам по персику. Сезон едва начался, но с этой жарой они уже налились соком и сладостью так, что едва не лопаются в руках.

Ближе к проходной становятся слышны смех и неясные разговоры. Похоже, ребята сегодня в настроении. Им-то что, у них там и кондиционеры, и кулеры, и прочие достижения техники, которые не положены ей подобным, но людям предоставляются на раз-два. Сиди себе целый день, смотри порно на компьютере и два раза в день сверяй лица выходящих и входящих.

Резервация у них тихая, законопослушная, почему бы и не посидеть. Сай невольно ведет ноющими плечами в попытке их хоть немного размять. Ей летом на работе и на минуту присесть некогда.

Если эти две пигалицы не слили всю воду, она даже сможет принять душ.

Сай останавливается возле турникета, протягивает в окошко карточку и пропуск. Из окошка ей улыбается Кер. Зря она так, Кер хороший парень. Никогда не придирается, и даже может закрыть глаза по дружбе, если что-то забыла на работе и нужно сбежать, пока не закрылись ворота. Она улыбается ему, вполне искренне.

— У вас сегодня будет пир! – Кер кивает на тележку без всякой издевки, — Ты уж выбери девочкам что повкуснее, у них же растущий организм.

— Конечно, моим девочкам только самое лучшее! – Сай смеется, под разрешающий гудок закатывая тележку за низкий металлический порожек.

Узкие улочки огорожены невысокими, в два-три этажа, многоквартирными домами. Дешево и просто, никаких излишеств и сложных укрепленных конструкций. Тележка жалобно дребезжит на раздолбанном асфальте, но, благо, до администрации толкать ее недалеко. Да и местные знают этот звук – она ловит пару заинтересованных взглядов из-за занавесок на окнах.

Работа на овощебазе дает Сай преимущество – на выдачу это богатство пойдет только завтра, но она может прихватить что-нибудь в кармане уже сегодня.

Администрацию видно издалека – единственное более-менее приличное здание на всю округу, даже с колоннами, как будто в резервации подобная классика может выглядеть уместно. Сай подвозит тележку к задним воротам, которые ведут на продуктовый склад. Тут охранники посерьезнее Кера, и Сай пару раз уже получала прикладом в живот, если была недостаточно осторожна. Впрочем, она каждый раз готова рискнуть заново. Тележка звякает, скрипит и проваливается в тусклый свет склада. На удивление, нет даже кладовщика.

Сай вспоминает – пятница. Значит, все работники Администрации, включая ее родителей, сейчас торчат у главного в кабинете и слушают очередную чушь про повышение сознательности граждан и образ их народа в глазах людей. Скот – вот и весь образ, было бы о чем говорить. Но главный считает своим долгом еженедельно нести в их темные головы свет человеческого знания.

Сай рада, что не пошла работать в Администрацию, хотя родители могли ее устроить. Тут недолго и глотку кому перегрызть.

Разгружать ящики остается самостоятельно. Сай ловко раскидывает их по положенным полкам, стараясь не обращать внимания на то, как ноют усталые мышцы, кладет в сумку два самых симпатичных персика, оставляет на столе кладовщика бумаги.

Ночь на улице черная, пахнет пылью, расцветшими фиалками и гвоздикой так плотно, что воздух даже имеет вкус. Над домами низко нависают крупные, как заклепки на станках, звезды. Не будь Сай такой уставшей, бросилась бы на окраину, туда, где забор подходит к самому лесу, где ветерок играет листвой, а соловьи начинают свой ночной концерт. Но она слишком устала, и завтра снова нужно на смену.

И персики помнутся.

В доме ее встречают темнота и тишина. У Сай тут же встают уши, и хвост замирает в напряжении. Она делает один шаг, еще один.

— Сааай, попалась! – сбоку из темноты на нее налетает худое тельце, легко опознаваемое по любимому запаху.

— Ты нас не заметила! – с другого бока налетает второе.

Несмотря на разницу в два года, девчонки почти одного роста и едва отличимы друг от друга, как будто должны были родиться близняшками. Сай роняет сумку, чтобы освободить руки, приподнимает обеих, чтобы зарыться носом в рыжие макушки и рассмеяться. Девочки тоже хохочут, довольные своей шуткой.

Сай, конечно, не скажет им, что учуяла все еще с порога, когда открывала дверь.

— Свет включите, охотницы, я с подарками!

Раздается довольный визг. Свет резко ослепляет глаза, освещая кухню, Сэди уже тащит сумку к столу – искать подарки. Младшая, Лисс, тащит ее к стулу, чтобы забраться в ее волосы и наконец распустить тугую плотную кубышку, которую Сай делает, чтобы волосы не мешали работать.

Жизнь сразу становится лучше.

— А мы тебе специально воды оставили! Хватит даже голову помыть!

А теперь совсем хорошо.

Сай выходит из ванной, на ходу заматывая волосы в полотенце. После душа она чувствует себя почти живой. По полу расстиляется полоска тусклого теплого света из-за двери девочек — горит ночник. Сай идет по ней, как по указателю.

Совсем маленькая комнатуха, почти кладовка, большую часть которой занимает кровать. Девочки лежат по краям, оставив в середине место для нее. Ждут. От этого на сердце становится очень тепло.

— Расскажешь нам что-нибудь? — спрашивает Лисс и обвивает ее руку своей, как только Сай укладывается.

— А вы не слишком большие для сказок? — улыбаясь, вопросом отвечает она.

Сэди подныривает под ее руку, устраивается на груди и довольно вздыхает.

— Я люблю засыпать под твой голос.

— Не вредничай, — требует Лисс, дергая ее руку.

— Ну хорошо, — Сай приобнимает Сэди, чмокает Лисс в макушку и начинает: Давным-давно, когда Тэян-Нам был большой богатой страной, один человеческий купец приехал в лисий город. Не только торговать — однажды он поклялся жениться на самой красивой девушке в мире, и теперь путешествовал в ее поисках по всему свету.

— И самой красивой оказалась лиса? — подыгрывает Лисс.

— Подожди. Он встретил человеческую девушку, прекраснее всех, кого он когда-либо видел. Очарованный, он стал ухаживать за ней и дарить подарки, и в итоге она вышла за него замуж и уехала к нему на родину. Жили они душа в душу, владели лавкой и не знали горя.

Сай задумчиво поглаживает Сэди по кудряшкам, делает вдох, прежде чем продолжить — явно предупреждая голосом о повороте в сюжете.

— Однажды купец решил, что нужно завести собаку, которая будет охранять дом. Он принес щенка, но как только выпустил его из рук, тот побежал на кухню и громко залаял на купеческую жену, которая готовила обед. Она подскочила, уронила ложку и обратилась лисой. А обратившись — убежала в лес.

— Так она все-таки была лиса? А почему он этого не знал? — удивленно спросила Сэди.

— Слушай, — Сай улыбается. — Купец не растерялся и побежал вслед за лисой. Там он кричал и звал ее, пока она не вышла к нему, поджав уши и свои три хвоста. Вышла и призналась, что скрыла свои хвосты, чтобы он не побоялся взять ее в жены. Отвела ему глаза. Ведь люди и тогда боялись треххвостых лис, вдруг обманут или заставят делать что-то против воли.

— Поэтому их всех... убили? — очень тихо и очень неуверенно спрашивает Сэди.

— В нашей истории никто никого не убивал. Купец обнял ее и сказал, что любит больше жизни, и никакие хвосты этого не изменят. Жена пообещала больше никогда не колдовать над ним. И жили они вместе долго и счастливо, а щенок вырос верным псом, который очень любил свою хозяйку.

— У них все было хорошо? — Лисс смотрит сонно, явно из последних сил держась, чтобы еще побыть с сестрой.

-Замечательно, — Сэди мягко выпутывается из объятий девочек. — Спокойной ночи, мои лисички. Я тоже пойду спать, у меня был долгий день.

И уходя, плотно прикрывает за собой дверь.

Утром Сай выходит из дома первая, едва светает. Вечером она так и не увидела родителей – сходила в душ, уложила девочек и сама упала спать. Но ничего, завтра у всех выходной и они посидят все вместе. А пока – работа.

Почему-то эта мысль не успокаивает. Неясное беспокойство преследует ее весь день, как бы она не таскала ящики и не сортировала фрукты. Какая-то деталь, какая-то мелочь словно все время ускользает от ее внимания, вертится на краю сознания, как упрямый комар жужжит ночью над ухом, и думается уже: садись напейся, отстань только. Осознание приходит только под конец смены, когда выдается пару свободных минут.

Не было запахов. Не было звуков. Она не просто не встретила родителей. Их *не было* дома.

Впервые она радуется, что сегодня идет в резервацию налегке, без тележки. Не идет – почти бежит, как будто этим можно что-то изменить. Как будто можно еще себя обмануть, как будто прибеги она быстрее, и мама с папой будут дома встречать ее травяным чаем и горячим супом. Страшное понимание, постепенно превращающееся в знание, заставляет катиться по хребту холодные мурашки.

Нет. Нет. Нет. Нет. Нет.

Дома тихо. Сэди и Лисс, сидящие за столом, вскидывают головы, встречаясь с ней взглядом. В них ужас смешивается с дикой надеждой. И почти сразу оба взгляда угасают, когда они понимают, что перед ними Сай. Одна Сай.

Никто из них не произносит ни слова. Сай закрывает дверь и сползает по ней на пол, зажимая рот руками, чтобы не издать ни звука.

Иногда лисы пропадают. И больше уже никогда не возвращаются.

Вторая неделя отчаянного ожидания подходит к концу. Сай трижды оббегала всех соседей. Спрашивала всех их коллег из Администрации. Ночами окольцовывала резервацию цепочкой лисьих отпечатков, надеясь поймать след. Как назло, почти на следующий день хлынул столь долгожданный для остальных ливень, и запахи и следы размыло напрочь. Но сдать у Сай нет сил. Она не может заставить себя признать, что больше не увидит своих родителей. Эта мысль кажется настолько жуткой и болезненной, что Сай изо всех сил запикивает ее как можно дальше в глубины сознания.

Она обязательно их найдет. У нее просто нет другого выбора.

С момента первого невыхода на работу Администрация отсчитывает месяц. Ровно столько им нужно ждать по закону, чтобы объявить лиса официально пропавшим. Или сбежавшим, что еще хуже. У нее осталось только две недели. Через две недели к ним заявятся люди и заберут ее девочек в Приют. И видят боги, этого ни за что нельзя допустить.

Будь она хоть немного старше! Согласись она на работу в Администрации, а не сбегай за забор! Нет, ей ведь так хотелось сделать все по-своему, как она хочет. А теперь никто не даст ей опеку над девочками. Зарплата копейки, работает сменами допоздна, и даже их квартира – это жилье от Администрации, выданное родителям. Ей просто скажут: «у вас нет подходящих условий». И она потеряет и своих девочек тоже.

Что действительно происходит в Приюте – никто так толком и не знал. Оттуда редко кто возвращался. Родственникам Администрация предоставляла примерно один и тот же ответ: ребенку было дано хорошее образование, которое позволило учиться и работать в городе. Учиться и работать в городе! Курам на смех. Никогда в жизни не потерпят люди лис посреди своего логова. Никогда никто не видел лис с высшим образованием и хорошей работой.

Редкие счастливики вернулись. Кто-то без памяти, кто-то без голоса, а кто-то – без разума. Так или иначе, никто из них не мог рассказать, что с ними делали. Они живут, не выходя из своих квартир, на попечении родственников, боятся солнца и никогда, никогда не приближаются к людям.

Но при этом уже больше не могут быть лисами.

Кто-то говорит, что детей оттуда продают в рабство. Кто-то говорит, что некоторые люди приезжают в сам Приют – издеваться и насиловать. Кто-то шептался про эксперименты по лишению лис сущности. Сай не знает, что из этого правда и правда ли хоть что-то. Она знает только одно – своих девочек она никому не отдаст.

Значит, она сделает все, чтобы их не смогли забрать.

Лису из резервации лишиться на побег – последняя крайность. Пока ты здесь, ты еще часть их мира. Малая, ни для кого не важная, но часть. Можно работать. Можно жить в своей квартире или даже накопить на дом в северной части. Жениться, заводить детей, стоять в очереди в больнице, просто существовать, тихо и размеренно.

Если ты сбежишь, то ты уже *дикий* лис.

Дикие лисы — это звери, на которых ведут охоту. Любой человек имеет право пустить тебе пулю в лоб. Никакой работы, никаких прав, никакого будущего. Всегда прятаться и всегда бежать. Про диких лис показывают новости, про них пишут газеты. Героически отловлен еще один дикий лис! Показатели Службы отлова высоки, добрые граждане могут спать спокойно!

Она как-то видела, как в прямом эфире загоняли дикого лиса. Ведущие новостей то комментировали картинку с экрана, захлебываясь восторгом, то с упоением смаковали детали якобы учиненных им зверств. В конце камера подлетела к нему почти вплотную — едва ли ее ровесник, такой же рыжий, как девочки, с россыпью конопушек по носу и щекам. Сай ни на секунду не поверила, что он ел людей.

От чего ты бежал, маленький лис? Какой страх заставил тебя бросить все и стать дичью для загоняющих?

Нет, ей нужно было отправиться в город легально. Девочек не отпускают, но она найдет способ их вытащить. Но самой Сай нужно быть вне подозрений, чтобы она могла заработать на крышу над их головой и еду на их столе. Возможно, ей удастся переправить их в другой город под другими именами. Лисы редко меняют резервации, но такое все же случается. После совершеннолетия, когда никто из этих ублюдков не сможет забрать их ни в какой Приют.

Возможность работать в городе есть у всех. Просто пользоваться этой возможностью решаются только самые отчаянные. Не важно, как они назовут твою должность: хостес, садовник, горничная, *специалист по размещению*. Все знают, зачем и кто на самом деле нанимает на работу лис. Обслуживать любителей экзотики. Разыгрывать старые легенды про смертельных соблазнительниц, но с более приятным клиенту финалом. Носить поводки или намордники. От одной мысли о такой роли у Сай все внутри сворачивается в тугую горящий клубок. Но если это единственный путь спасения для девочек...

Попытки решиться заняли у нее почти все оставшееся время. По ночам Сай металась по дальнему краю резервации как загнанный зверь, словно вот-вот можно было прорыть подкоп и уйти в лес по-настоящему дикой лисой. Только люди не дураки, и бетонный фундамент забора уходит вниз на несколько метров — слишком много, чтобы прорыть подкоп до утра и остаться незамеченной. Тающее время дышало льдом в спину, и даже среди жаркого лета Сай тряслась от холода.

У нее осталось два дня. Два жалких дня. Девочки уже даже не ждут спасения: молча сидят дома, ожидая, когда за ними приедут. Сай чувствует себя предательницей, и это чувство наконец приводит ее к порогу Администрации. Нужный ей кабинет гордо именуется Центр занятости — так написано на обшарпанной табличке с остатками облезлой позолоты. Сай успевает изучить все сколы и царапины, прежде чем поднимает руку и стучится.

Всего год назад она входила в этот кабинет с упрямо поджатыми губами, решительная, уверенная. Прямо сейчас в ней нет и не капли той Сай, какой она была.

— Войдите, — бедная Эмма за столом, хорошая мамина подруга, добрая домашняя лисичка. Они всегда ищет лисам какие угодно вакансии, кроме этих.

Придется ей разочароваться.

Документы о переводе обжигают пальцы, тянут вниз сильнее, чем три ящика с овощами сразу. Но дело уже сделано. Остается только придумать, как вывезти девочек. Времени остается совсем мало.

Подходящая возможность находит ее сама.

— Эй, Сай! — голос догоняет ее уже на выходе, и она оборачивается — Я уже знаю, что ты переводишься, но не сможешь мне в последний раз? У тебя еще есть смена завтра до перевода.

Кладовщик. Тот самый, Пол, который каждый раз закрывал глаза на пропажу пары яблок или персиков. Тот самый, который и сам порой подкидывал ей в сумку пару “списанных” пайков или симпатичную куколку для Лисс. Сай останавливается, потому что его просьбу она не может проигнорировать.

— Ты знаешь, я разгрузил тележку, но нужно закинуть туда пустые ящики и вывезти завтра на завод обратно, — Пол разводит руками, выпирая вперед заметным пузиком, — Может, заберешь сама? Ты уже мне так помогала.

Если проклятый лисий бог все-таки существует, то это его провидение. Иначе такую удачу объяснить нечем. Милый старый Пол, он и теперь им помогает, даже если этого не осознает. Что может быть проще и очевиднее?

— Да, Пол, конечно, — Сай старается сдержать слабую улыбку, прорывающуюся наружу. — Тебе я всегда помогу.

Раннее утро делает мир прозрачным и чистым. Тихим, сонным. Сай специально вышла сегодня засветло, еще раньше, чем обычно все выходят на смену. Ей не нужны лишние свидетели, только не в это утро.

День уже обещает быть жарким и наливается потихоньку предчувствием горячего солнца. Сай с грустью думает, что заводскую форму она надевает в последний раз. Что это последний день, когда остатки прошлой жизни еще лежат у нее в руках. Ничего уже не будет прежним. И, скорее всего, дальше будет только хуже и хуже.

Она подкатывает тележку к проходной как раз когда Кер открывает решетки. Шесть утра. Самые ранние птички начнут подходить через четверть часа. Это все, что у нее есть. Сай делает глубокий вздох, толкает тележку и колеса переваливаются за невысокий железный порожек.

— Доброе утро, — Сай ненароком отводит взгляд, чтобы не смотреть Керу в глаза, пока он проверяет документы.

— Ты сегодня рано, — отмечает он, зевая прямо в стекло окошка. — Проходи.

Сай едва слышно выдыхает. Согласно правилам, каждый раз, когда она вывозит тележку из резервации или привозит, охрана обязана завести ее в здание и пропустить через рентген каждый ящик, чтобы убедиться в отсутствии контрабанды и запрещенных предметов. Правда, правило это не соблюдается почти никогда, кроме тех редких случаев, когда вредным охранникам скучно или хочется поглумиться.

Кер вредным не был никогда.

— Подожди, — судя по отчетливо раздавшемуся голосу, Кер выскочил из своей будочки и спешит к ней.

Сай чувствует себя так, словно под ней надломилась ветка, и она летит почти с самой макушки дерева на землю спиной вниз. Желудок и прочие внутренности подскочили вверх, к самому горлу. Интересно, это она слышит буханье собственного сердца или это их сердечки колотятся от ужаса?

Она изо всех сил старается не смотреть на нижний большой ящик, сосредоточив взгляд на грубой коже собственных рук. Уши пытаются уловить малейший звук — не слышно ли дыхания, движения внутри?

Ящики на ленту рентгена обычно ставят один за другим. От верхних к нижним. Успеет ли она что-то сделать, пока верхние едут по ленте? Или стоит только поднять неожиданно тяжелый нижний ящик, который должен быть пустым, и они пропали?

— Я слышал новости, — Кер мягко касается ее запястья, вынуждая поднять на него взгляд, — Ты правда переводишься в город? Неужели это единственный выход? А как же девочки?

Сай вздрагивает всем телом, ощущая, как к горлу подкатывает тугой комок, не дающий дышать. Кер, Лис тебя подери, что же ты делаешь. Почему сейчас, когда она уже отрезала себе все пути?

— Я делаю это ради них, — на мгновение глаза подергиваются пеленой, и ей приходится усиленно моргнуть пару раз, чтобы побороть слезы.

— Может, я могу как-то помочь? Хоть что-то? — у него такое привычное, родное лицо, и волнение на нем самое что ни на есть искреннее.

— Чем может человек помочь лисам? — вопрос звучит злее, чем ей хотелось бы, но держать лицо удастся только из последних сил. — Прости, Кер. Я знаю. Я многое хотела бы изменить.

Она задерживает свою руку на его пальцах чуть дольше, чем стоило бы, прежде чем освободиться, толкнуть тележку и уйти. Ощущение, что за спиной ее жизнь разваливается на мелкие части, заставляет ее идти еще быстрее. Еще немного, и посыплется уже она сама.

От нее и без того уже остался один растрескавшийся фасад.

Девочек она достает из нижнего ящика сразу, как только оказывается на складе. Нужно успеть спрятать их до того, как начнут подтягиваться остальные. Особенно люди. Даже если старшей на смене будет душка Рори, вряд ли кто-то из людей обрадуется двум неучтенным лисятам за забором.

Сэди и Лисс послушно молчат, только глаза у них красные и мокрые. Сай знает, что им страшно. У нее самой все внутри спутано и трясется. Только им бояться можно, а ей нет. Здесь и сейчас она их единственная надежда.

В итоге она устраивает их в дальнем углу склада, за коробками на самой верхней полке. Там лежат какие-то старые шины, густо пахнущие подпаленной резиной, и пыли столько, что она поднимается облачком, когда они забираются наверх. Здесь их никто не найдет, даже другие лисы не учуют их за стойким запахом испорченного барахла. На прощание Сай чмокает их в макушки по очереди и обещает вернуться вечером. Воды и перекусов должно хватить, если они будут разумными малышками. Сай знает, что будут.

Когда ты лис, у тебя нет времени побыть ребенком. Ты вырастешь почти сразу, потому что иначе цепные псы разорвут неосторожного лисенка на куски.

День тянется долго, мучительно. Она ловит на себе взгляды, то любопытные, то сочувственные. В маленькой резервации тяжело утаить секреты. Наверняка все узнали о ее решении, стоило только закрыться двери кабинета. Лис переводится в город — большая новость. Старшая из Чернолапых переводится в город после исчезновения родителей — сенсация на всю округу. Кто-то жалеет, кто-то осуждает, кто-то, вполне вероятно, злорадствует. Как же, образцовая семья, сотрудники Администрации, старшая дочь — звезда школы, младшие — прилежные ученицы. По меркам резервации вполне успешная семья, от которой теперь ничего не осталось.

Горячий горький ком в горле никак не рассасывается, и до самого конца смены Сай кусает себя за щеки, чтобы не расплакаться.

Сай нарочито мешкает, пока остальные собираются домой, и, кажется, они решают, что ей нужно время проститься со всем. Она остается одна и наконец может вернуться на заветную полку под потолком.

Девочки спят, свернувшись клубочками друг на друге, и дыхание одной шевелит шерстинки на хвосте другой. Сай боится представить, как страшно им тут было все это время — впервые за забором, без пропусков, беглянки. Но сейчас они выглядят так умиротворенно, что у нее едва хватает сил их разбудить.

— Пора, зайчата.

Девочек она оставляет в леске, который отделяет город от промзоны и резервации. Здесь она еще зимой вырыла под буреломом нору. Ей нравилось приходить сюда в моменты, когда на работе выдавалось свободное время и Рори отпускала их отдохнуть. За пару месяцев таких перебежек Сай успела прилично развить и укрепить нору, так что ночью девочки будут в безопасности.

А ей пора бежать обратно, пока ворота не закрылись. Кер уже должен был смениться, и на маленькие поблажки рассчитывать не приходится. Так что вперед на четырех лапах, стремительной лисьей рысью.

Сай успевает до закрытия ворот. Она входит в пустой, темный дом. Садится на пол. И впервые за все время позволяет себе расплакаться, беззвучно раскрывая рот, как выброшенная на берег рыба.

Фасад рушится и погребает ее под обломками.

Глава 2. Выход в город

*Сверху хищники и клетки, настоящий ад
Там птицеедов птицеедки с голоду едят*

Утром у ворот Сай стоит с одним рюкзаком. Больше вещей у нее и нет. Дома теперь тоже нет. Сегодня Администрация пришлет людей забирать девочек и обнаружит пропажу. Она скроется в городе прежде, чем их начнут искать. Сай знает, что в городе не достанут. Между ним и резервацией заводы и лес, а дальше у них руки коротки. Город полон других людей, у которых будут свои вопросы и свое мнение.

А с мнением людей им придется считаться.

До города ее подвозят на грузовике, который едет за продовольственными товарами. Никакого иного транспорта туда нет, а люди, которые иногда приезжают с инспекцией, ездят на собственных машинах. Там ее уже должны встретить, поскольку передвигаться без сопровождения до получения браслета запрещено. Ей и не хочется. Примут за дикого лиса и разбираться не будут.

Ей еще нужно вернуться в лес и забрать девочек. Вряд ли они смогут протянуть в лесу одни дольше нескольких дней. Сай надеется, что так долго и не придется. Ей только нужно найти место, где можно будет их спрятать.

Весь этот план — сплошное импровизационное безумие.

Чем ближе город, тем он огромнее. Конечно, небоскребы видны даже в резервации, особенно если забраться на крышу дома. Но вблизи все по-другому. Они выезжают на широкую, как площадь, дорогу, полную машин, и из открытого окна на Сай волнами обрушивается неведомый прежде шум. С непривычки звуки смешиваются в единую дикуую какофонию, разобрать в которой что-то отдельное невозможно.

Как они вообще живут в таком диком шуме?

Город захлестывает с головой запахами, картинками, звуками. Информации так много, что в какой-то момент Сай чувствует себя оглохшей, ослепшей, потерявшей способность чувствовать хоть что-то, кроме вибрации автомобильного двигателя. На пару ударов сердца ей хочется вернуться в резервацию, что бы ее там ни ждало. Туда, где все знакомо и понятно.

Но пути назад нет. Ей необходимо учиться выживать здесь, в человеческом мире. Сай глубоко вздыхает, пытается сначала сосредоточиться на запахах. Кабина грузовика пахнет пылью и давно пролитым кофе. Водитель — потом и сигаретами. Из окна можно расслышать выхлопные газы, какие-то незнакомые цветы и много разных людей.

Теперь слух. Автомобильные гудки, шины по асфальту, какая-то музыка из зданий, голоса, железный лязг, чей-то смех. Часть звуков слишком новые и не имеют для нее названия, но в этом она еще разберется позже.

Теперь зрение. Пока она не смотрела, они успели въехать в центр, в долгие провалы улиц между зданиями, и первое, что она видит, — уходящие вверх стеклянные отвесные скалы, солнечные блики на окнах и металле. Стоит глазам привыкнуть, как она замечает столько всего еще: яркие вывески, огромные экраны с красивыми девушками, пестрая одежда на людях, узорчатые украшения на фонарных столбах и такой поток машин на земле и в воздухе, что она невольно прижимает уши. Как здесь вообще передвигаться?

Впрочем, по улице они едут недолго. Грузовик сворачивает в неприметный переулок, который сама Сай точно пропустила бы, и ныряет между махинами зданий. Внутри оказывается на удивление знакомая картина: разгрузочный двор. С той лишь разницей, что складские ворота ведут куда-то вглубь небоскреба вместо низенькой овощебазы, собранной практически из одних железных листов.

— Тебе туда, — водитель кивает на небольшую белую дверь в соседнем от склада здании, — Тебя уже ждут.

Сай кивает ему и выпрыгивает из кабины. Во дворе спокойнее — массивы небоскребов отрезают его от шумной улицы. Внутри царит полумрак, но над указанной дверью светится вполне знакомая надпись “Центр занятости”.

Выдыхай, Сай. Ты сможешь со всем этим справиться. У тебя нет другого выбора.

Типичная бюрократическая волокита оказывается на редкость успокаивающей. Подпишите тут, подпишите там, встаньте здесь для фото. Сай знает, что по закону в городе могут находиться только зарегистрированные лисы с работой, которая требует их присутствия. Собственно, этим девушка за стойкой и занимается. Что оказывается удивительным, так это количество данных, которые она собирает. Как на медосмотре: рост, вес, цвет глаз, цвет волос, окрас... Длина хвоста им вообще зачем? Под конец ее заставили положить обе руки на сканер, снимающий отпечатки пальцев.

Кажется, если она попытается сбежать, скрыться будет еще сложнее, чем казалось. У них в базе будет самый исчерпывающий портрет, тут простой краской для волос не отделаешься. Задумавшись об этом, Сай послушно присаживается на указанный стул.

Резкая боль пронзает ухо. Девушка подносит ей зеркало, что-то радостно щебечет.

В правом ухе торчит серебристый кружок сережки. А Сай думала, что это в городе такая мода, поэтому у редких вернувшихся лис висят серьги. Судя по всему, никакая это не мода.

Это бирка. Способ учета скота.

— Так, ты у нас устраиваешься в “Лисий дол”, компания предоставляет обслуживающий персонал на частные мероприятия, — девушка сверяется со списком на экране. — Сейчас я вызову тебе такси, тебя подкинут до общежития. Там другие девчонки тебя всему научат, не стесняйся спрашивать. С первой зарплаты купишь себе телефон – и вообще проблем не будет, в интернете есть ответы на все.

Дружелюбие этой человеческой особы вызывает у Сай нервный зуд под кожей. Она так легко и радостно болтает, как будто действительно не знает, что это за работа и куда она отправляет лис. Словно бы даже думает, что открывает им путь в какую-то лучшую жизнь. Или и правда так считает?

За абсолютно кукольной улыбкой девушки и не разберешь. К счастью, она возвращает ей идентификационную карточку и предлагает пройти к машине. Уже не на колесах, летающей. Такие Сай прежде видела только по телевизору. От ее безупречно радостного тона у Сай по спине ходят мурашки.

Общежитие. Все, о чем думает Сай, — найдет ли она там место, где можно будет спрятать девочек. Пока лето, можно возить им еду и воду, но что будет, когда настанут холода? Сможет ли она заработать на собственное жилье?

Чем она вообще думала, когда проворачивала все это?

Общежитие оказывается внутри очередного небоскреба. Сай еще не видела в городе ни одного низкого здания? — все здесь вздымается к небесам. Хотя, если верить сериалам по

телевизору, в некоторых городах есть и невысокие дома, и даже отдельные поместья. Может, и в этом городе есть.

Бесшумный, плавный лифт увозит их с местной старшей вверх. На удивление, старшей оказывается лиса — пожилая и очень строгая, она носит вместо простого серебряного кольца гвоздик с большим камнем, рассыпающим свет гранями. Сай делает мысленную пометку спросить кого-нибудь, как вся эта система вообще работает, и если серьгу можно менять, обязательно ли вообще ее носить? Нужно было спросить раньше, но та девушка в Центре занятости не вызвала желания спрашивать.

Или Сай так боится не найти способ выгнать девочек, что потеряла всякую бдительность и все пропустила мимо ушей. Черт, нужно собраться.

— После одиннадцати не шуметь. Гостей не водить. Комнату содержать в чистоте. На общей кухне грязь не разводить, — старшая, с лицом и интонациями каменного идола, доверия не внушает.

Кажется, все будет еще сложнее, чем Сай подозревала.

Ночь проходит беспокойно. Сай лежит на спине, разглядывает потолок в комнате, слушает расслабленное дыхание соседок. Уснуть нет никакой возможности. Как там Сэди и Лисс? Их наверняка уже хватились, но додумаются ли люди искать за забором? Сай надеется, что первые пару дней они будут перерывать укромные уголки резервации, благо в лисьем логове таких немало. Но сколько времени у нее есть, прежде чем начнут искать дальше? Успеет ли она перетащить девочек в город? Да и куда их прятать?

Мысли роятся в голове, и уснуть удастся лишь под утро. Сай просыпается слишком поздно — за окном уже светит солнце, отражаясь от окон здания напротив. Из-за двери душа выходит одна из соседок — невысокая, очень милая песчанка Надира с удивительными расставленными ушами. Сай думала, что у них в округе песчанки не водятся, в резервации нет ни одной. Интересно, как она вообще сюда попала?

— Проснулась? — соседка, в отличие от прочих городских, Сай нравится. — Сходи в душ и позавтракай, главный все равно не проснется раньше трех-четырёх дня, все успеется.

— А вода еще осталась? — Сай приподнимается на локтях, чтобы лучше видеть, как Надира вертится перед зеркалом.

— Ты совсем темень, да? — почему-то в ее исполнении это звучит вовсе не обидно. — Тут всегда есть вода, она не кончается. Мойся сколько угодно, пока соседки не выгонят. Все, я пошла, у меня еще танцевальный класс.

Надира подмигивает ей и выпархивает из комнаты. Сай остается последовать совету и хорошенько помыться. В резервации такие возможности упускать было не принято.

К “главному” ее отводят уже к пяти. Насколько Сай успевает понять из разговоров, так здесь все зовут владельца компании “Лисий дол”. И, судя по всему, личность он не самая приятная. Впрочем, может ли быть приятной личностью тот, кто продает другим людям лис? Сай всеми силами вытесняет мысль о работе, но все же понимает, чем придется заниматься. И на что она пошла. Это понимание лежит в животе холодным валуном, от которого мерзнут внутренности.

Кабинет выглядит очень дорого. Такое Сай видела разве что по телевизору, когда все строгое, состоящее из ровных линий, чистых цветов и блестит так, что больно глазам. Не вписывается в кабинет только сам “главный”. Рыхлый немолодой мужчина словно расплывается по краям, сдерживаемый только тканью костюма. И глаза у него какие-то неприятные, глубоко посаженные и круглые, как у зверька.

— Сай из Чернолапых. Восемнадцать с половиной лет, закончила школу, работала на овощебазе, — личное дело он читает вслух с планшета, не поднимая на нее саму взгляда. — Телосложение спортивное, фигура плосковата, но окрас редкий.

Сай недовольно дергает хвостом, во всей красе демонстрируя белоснежную шерсть и черный кончик хвоста. Это единственное выражение чувств, что она себе позволяет. Можно ли к этому привыкнуть? Как вообще жить с тем, что ты теперь не более чем товар? И как продержаться дальше, если тошно на первых же словах?

— Девственница? — главный замечает мгновенно вспыхнувшие щеки и довольно ухмыляется. — Удачно ты заглянула, удачно. У нас сегодня как раз мероприятие, ты нам пригодись. Готова сразу в работу?

— Да, — четко отвечает Сай, изо всех сил пытаясь удержать хвост спокойным.

— Хорошо, что ты и сама все понимаешь, так нам будет легче работать, — главный гадливо улыбается. — Тогда слушай. Сегодня на вечеринке у одного очень важного человека будет аукцион с нашими лучшими лисами. А тебя пустим в конце — как секретный лот. Новенькая, да еще и девственница. Выплачу сразу пять процентов от того, что за тебя получу. Сможешь нормально устроиться, купить телефон, хорошую одежду, а если очень постараться — даже квартиру снимешь. Будет началом хорошего продуктивного сотрудничества. Договорились?

“Квартиру снимешь”. Два этих слова заставляют ее проглотить все, что она на самом деле думает о продуктивных сотрудничествах с такими товарищами. Продать себя подороже? Если это поможет ей устроить девочек, то оно того стоит. Даже если от одной мысли об этом потеют ладони и хребет натягивается, как железный трос.

— Договорились, — Сай даже удается улыбнуться, чтобы произвести хорошее впечатление.

В следующие три часа Сай готовят к мероприятию. Укладывают волосы, наносят макияж, подбирают наряд. Рядом крутится Надира, без стеснений объясняющая ей местную кухню. Компания посылает лис на частные вечеринки, по документам — как официанток, танцовщиц, певиц и прочий персонал. Некоторые действительно делают и эту работу тоже, например, сама Надира выступает с танцами. Но любой из гостей может также заплатить за то, чтобы уединиться с лисой. Большинство работающих лисичек сами стараются заполучить клиентов — за легальную работу платят мало, тогда как за секс платят много, и главный дает высокие проценты. И вообще, Сай очень повезло попасть именно в “Лисий дол” — девочек берегут, на мероприятия готовят за счет компании, могут оплатить занятия, если они на пользу работе, как ее танцевальные классы.

Если послушать Надиру, здесь просто рай земной, а не бордель.

В зеркало смотреть странно. Сай, конечно, была на выпускном в сшитом мамой платье и с красивой прической. Но одно дело — это три магазинчика на главной площади резервации, а другое — все ресурсы города. Такие наряды обычно носят звезды на красных дорожках каких-нибудь кинопремий, а не лисы. И шпильки, украшенные подвесками в виде журавлей, поражают воображение.

Наверное, в других обстоятельствах она бы дышать забыла от восторга. Но она стоит и вертит в голове только одну и ту же фразу — “думай о девочках, думай о девочках, думай о девочках”. Если кому-то из них придется, то пусть это будет она. Ни один человеческий ублюдок и пальцем не притронется к ее сестрам. Они будут жить лучше, чем она.

Наверное, даже хорошо, что родители *этого* не увидят. Хотя, видит Лис, больше всего на свете ей сейчас хочется упасть в их объятия и расплакаться.

Квартирой это место назвать у Сай язык не поворачивается. Их квартира состояла из кухни, маленькой ванной и трех комнатушек. Тут же одна гостиная размером с целый этаж. Помещается даже небольшая сцена, где устроились музыканты. Это вообще жилое место или что-то вроде клуба? Сай остается только признать свою несостоятельность. Знаний о городе у нее слишком мало, чтобы быть хоть в чем-то уверенной.

Пока ее хватает на то, чтобы держать спину прямо и мелкими глотками цедить из бокала... что это, шампанское? Сай прежде пила разве что домашнее яблочное вино, тайком утащенное у родителей кем-то из одноклассников. У этого напитка пузырьки газа и непривычный привкус. Она скорее пытается занять руки.

Кроме нее и Надиры, которая ушла готовиться к выступлению, на вечеринку приехали еще три лисички. Они ходят среди толпы, общаются, с кем-то здороваются как с давно знакомыми, смеются. Сай не понимает, как им это удастся. У нее самой голосовые связки смержлись до зимних льдов, и при попытке улыбнуться щеки дергаются как у припадочной. Она выбирает себе “наблюдательный пункт” у подножия лестницы на второй этаж, облакачивается о перила, потому что туфли жмут и ноги от волнения ватные.

Наверное, правильно было бы знакомиться и флиртовать, пытаться продать себя подороже. Ей очень нужно свое жилье. Но два дня назад Сай еще была обычной рабочей лисичкой из резервации, и она делает столько, сколько может. В данный момент — не плачет и не кричит на всех этих слишком нарядных людей.

— Как я рад вас всех видеть! — выскочившего на сцену парня гости встречают бурными овациями, — Вечеринка в честь моего дня рождения объявляется открытой! Столик для подарков стоит у бара, не промахнетесь. Я готов принимать поздравления и лично.

Сай разглядывает его с почти болезненным интересом. Молодой и весь такой лощеный, словно бы в каждую деталь его внешнего вида вложены куча времени и сил. Интересно, лисы на празднике — это его идея? Что он думает, глядя на них? Есть ли хоть у кого-то из присутствующих людей мысль, что все это дико и бесчеловечно? Хотя, правильнее сказать, очень по-человечески. Большинство именно так с лисами и обходится.

Что, ждешь сочувствия от собственных хозяев? Бедная, наивная Сай. Стисни зубы и терпи, раз уж влезла в это все.

Сай почти не запоминает номера. На сцене все время что-то происходит: кто-то поет, кто-то играет на инструментах. Она потихоньку перемещается из угла в угол, стараясь не дотронуть тот единственный бокал, что взяла, но при этом выглядеть при деле. Пару раз ее провожают

заинтересованными взглядами, но в целом люди заняты собственным весельем, даже не всегда обращая внимание на сцену.

Танцуют, пьют, разговаривают, насколько позволяет громкость музыки, обнимаются, смеются. Сай почти теряет бдительность: за исключением внешней дороговизны, вечеринка в целом напоминает любые их сборища с друзьями в резервации, только у них вместо живой музыки был кассетный магнитофон. Сай просто новенькая в классе, которая не слишком жаждет общения.

В какой-то момент толпа раздается, образуя свободный круг в центре, и не среагировавшая вовремя Сай оказывается в первом ряду перед пустой площадкой. На секунду ее сковывает ужас от того, сколько людей одновременно могут на нее смотреть, но все взгляды прикованы к другой лисе.

Надира впархивает в центр в наряде, отдаленно напоминающий народный. Что-то южное, видимо, с ее родины. Кожа ее сияет, словно в мелких-мелких блестках, и волна пшеничных волос спускается водопадом. Она столь красива, что Сай сама забывает дышать на мгновение.

С первым ударом барабана в центре зала оживает пустынный мираж.

Сай замороженно следит за танцем, и на несколько мгновений вся ужасающая ситуация ее положения меркнет, уступая место восторгу. Такой грации, гибкости и изящества она не видела прежде. Надире бы выступать в театрах и сниматься в кино, но вместо этого маленький золотистый вихрь танцует на паркете посреди чьей-то вечеринки.

— Ее талант стоит большего, чем это, — Сай даже не замечает, когда к ней успел подойти один из гостей, и вздрагивает от неожиданности, — Как жаль, что лисы не могут быть оценены по заслугам.

Сай чувствует холодные мурашки, катящиеся по шее вниз к пояснице, но заставляет себя повернуться к собеседнику. Что это он тут в союзника играет?

Парень оказывается неожиданно... красив. Высокий, но тонко сложенный, с тщательно зачесанными назад волосами, отливающими в золото. Он выглядит как-то даже слишком опрятно и выверенно, словно он джентльмен из книжки про старые времена. И у него очень располагающая, какая-то даже грустная улыбка.

Он правда сочувствует Надире или это какая-то уловка?

— Надира невероятная, — Сай старается выбрать какую-то наиболее безопасную реплику и выдать ее достаточно спокойно, — Впервые вижу такой красивый танец.

— Искусство должно быть свободным, — с каким-то даже сожалением произносит незнакомец, прежде чем толпа взрывается бурными овациями.

Сай отвлекается на Надире, которая кланяется публике, и к моменту, как толпа снова занимает весь зал, неожиданный собеседник успевает пропасть так же незаметно, как появился.

Именинник снова выскакивает на сцену с таким энтузиазмом, что становится понятно, насколько ему нравится всеобщее внимание. Он буквально сияет под чужими взглядами, довольный тем, что его вечеринка идет отлично.

— Сюрпризы продолжают! Мне удалось заполучить на этот вечер звезду. Своим присутствием нас почтил сам Леонард Нордфилл, лучший скрипач нашего поколения! Поприветствуем его овациями!

Толпа взрывается, очевидно зная, кто такой этот музыкант. Сай присоединяется к аплодисментам, хотя классическая музыка никогда не входила в ее интересы и это имя не значит для нее ровным счетом ничего.

До того момента, когда на сцене появляется уже знакомая золотистая макушка. Сай с удивлением отмечает, что волосы не просто зачесаны назад — оказывается, они собраны в тугую длинную косу, которая на мгновение напоминает Сай хвост.

Лицо у него абсолютно серьезное, даже какое-то религиозное. Словно скрипка в его руках — это способ молиться богу, в которого он верит. Леонард подносит смычок к скрипке, делает небольшую паузу, и первая нота разносится по залу.

Если танец Надиры вызывал восторг яркий, стремительный, то от исполняемой музыки тело наливается томлением и неясной тревогой. Неизвестно, кто выбирал репертуар, но мелодия явно предназначена не для легкого развлечения. Сай чувствует в ней себя, все многообразие чувств, раздирающее ее изнутри: страх, решимость, злость, скорбь, отчаянную надежду, смятение, борьбу. Музыка пронизывает ее всю, резонирует с ней, и она сама не замечает, как по щекам скатываются слезинки, пока она пытается не забывать дышать.

Время теряется и перестает быть важным, все внимание сходится в одной точке — на золотоволосом херувиме, чья музыка раздирает на части сердце. Последняя нота тает в стенах, и Леонард медленно опускает скрипку.

Сай может поклясться, что их глаза встречаются, и она может различить необычный стальной оттенок его радужки, словно тронутый по краям ржавчиной.

Ей приходится уединиться в ванной. Ее потряхивает, и она боится расплакаться и испортить макияж. Здесь прохладно и на удивление тихо, словно закрывшаяся дверь отсекает большую часть звуков. Сай ополаскивает руки холодной водой и за неимением вариантов похлопывает себя по плечам и шее, пытаясь хоть немного успокоиться. Слишком много впечатлений за один вечер. Слишком много событий за неделю. Слишком большой поворот жизни за один несчастный месяц.

Кажется, она сходит с ума. Или уже сошла, только никак этого не проверишь.

— Господа, у меня для вас готов еще один сюрприз! — голос, усиленный микрофоном, все же пробивается сквозь дверь, — Я объявляю аукцион свиданий! Прошу пройти на сцену наших очаровательных лисичек!

Началось. На мгновение Сай чувствует желание остаться в ванной, запереться здесь и никогда не выходить. Это же так просто. Но вместо этого она приподнимает рукав платья и хватается зубами за предплечье. Боль отрезвляет. Боль дает силы.

А силы ей сейчас понадобятся.

На сцену ей удастся выйти с непроницаемым лицом. Даже изобразить что-то вроде легкой улыбки. Именинник сам ведет торги, в очередной раз наслаждаясь возможностью вещать в микрофон на толпу зрителей.

Одна за другой три лисички находят своих “кавалеров”. Очевидно, что ее и Надиру оставляют напоследок как особый товар. Парень мастерски подстегивает азарт окружающих, и с каждым следующим лотом суммы поднимаются все выше. Таких денег вся ее семья за год не зарабатывала! Даже если она получит только пять процентов, этого все еще должно быть

достаточно, чтобы устроить девочек. Хотя бы на пару месяцев. Эта мысль немного поддерживает Сай, пока толпа крайне жестоко сражается за время и внимание Надиры.

— Господа, такая красotka стоит больше! Помните, как она танцевала для вас! Жадничать в таком случае просто глупо!

Наконец, последнюю абсолютно неприличную ставку не перебивает никто, и Надира спускается со сцены прямо в объятия импозантного мужчины никак не младше сорока. Улыбается ему, тянет за руку, чтобы он наклонился и она могла что-то прошептать на ухо. Как ей удается? Этот вопрос преследует Сай весь вечер.

— И, последний лот на сегодня, свидание с нашей темной лошадкой! — парень жестом приглашает ее сделать шаг вперед, — Простите девушке ее смущение, ведь для Сай все это в *первый раз*! Она только сегодня прибыла в город и мне удалось заполучить ее на этот вечер специально для вас. Ну же, повертись!

Сай делает не слишком уверенный шаг и поворачивается вокруг себя. Черный подол платья разлетается, шпильки едва не выпадают из прически. Она останавливается и заставляет себя улыбнуться — из последних сил.

Все, о чем она думает — это улыбки Сэди и Лисс, встречающих ее с работы.

За ходом торгов она почти не следит, смеется, когда смеется зал, машет куда-то ручкой по просьбе именинника, слепо шарит глазами в толпе. Пока взгляд не встречается с другим взглядом: серьезным и даже грустным. Леонард стоит позади всей толпы, привалившись к стене и скрестив руки на груди. На его лице нет и тени улыбки. Пока остальные смеются, азартно вскрикивают, скидывают руки, перебивая цену, он возвышается безмолвным истуканом.

Словно молчаливый бог, который смотрит за тем, что устраивают его дети.

— Иииии, продано! Сай, ты можешь пройти на свое свидание. Только подумай, как яростно он сражался за тебя. Я был бы польщен на твоём месте!

Сай кажется, что она неспособна сделать и шага, не то что спуститься по лестнице на каблуках. Но она все же заставляет себя сделать два шага до края сцены, где ей уже протягивает руку “победитель”. Она едва решается на него посмотреть.

Он настолько обычный, что от этого даже страшно. Просто человеческий парень, надень на него форму охранника, и можно принять за дежурного на проходной. Он не выглядит злым, порочным или избалованным деньгами.

И все же этот парень купил чужое тело и собирается им воспользоваться.

Она даже не помнит его имя, хотя его точно озвучивали во время торга. Она просто переставляет ноги, пока он ведет ее мимо толпы, на второй этаж. Вот так сразу? Даже никаких разговоров? Сай чувствует, что лимит эмоций на сегодня превышен, что она уже больше не она, просто какой-то зритель, наблюдающий со стороны.

Щелчок двери. Холодные руки. Ослабевающее натяжение платья. Поддающиеся пружины матраса.

Сай закрывает глаза, закрывает сознание в дальний чердак в голове, где громко читает на память какие-то дурацкие детские стишки про глупую лисицу, испугавшуюся щенка.

Сай толкает случайные двери, пока одна не открывается и не пускает ее в какую-то комнату. Кажется, это гостиная, краем глаза она замечает спинку дивана и камин. Все это не важно. Здесь темно и тихо, и никого, совсем никого нет. Она забивается в угол у окна, наполовину утопая в тяжелых шторах, подтягивает к груди колени и плачет. Тихий, отчаянный вой прерывается всхлипами, и Сай кусает руки, чтобы не заорать в голос.

Ей очень не хочется, чтобы ее нашли. Но она слышит щелчок двери.

Узкая полоска света прорезает темноту, и длинная тень силуэтом падает на пол, прежде чем свет снова пропадает. Сай пытается вжаться в стену еще сильнее, стать совсем маленькой, слиться со шторами.

— Я ничего плохого не сделаю, обещаю, — он делает шаг ближе, и в свете луны из окна она узнает Леонарда. — Я тебя не трогаю.

Он приближается медленно, демонстративно подняв руки, аккуратно опускается перед ней на одно колено. Кажется, он действительно беспокоится? Во всяком случае, его лицо не выражает ничего, кроме желания помочь. Но Сай все равно пытается вжаться в угол.

— Я знаю, что тебе очень страшно и больно. Видишь, я тебя не трогаю. Ты хотя бы цела? Он не бил тебя?

Сай судорожно качает головой. Нет, не бил. Только... Сай всхлипывает и тихо скулит, не в силах перейти на человеческие слова. Глупая лисица, напугалась щенка.

— Послушай меня внимательно, хорошо? — у него очень ласковый, успокаивающий голос и доброе лицо. — Тебе здесь не место. Ни на этой вечеринке, ни во всей этой грязи. Никому из вас, но ты тут долго не протянешь.

Он достает из кармана платок и протягивает ей. Абсолютно белоснежный, словно вывешенный флаг перемирия. Сай на мгновение поддается вперед и хватает его одним резким движением, чтобы снова забиться в угол.

— Только с твоего согласия, только если ты сама скажешь “да”, — Леонард кажется предельно серьезным, — я выкуплю твой контракт и заберу тебя. Будешь жить со мной, в своей комнате, делать что захочешь. Просто жить, понимаешь? Без всяких условий. Без...

Лицо его кривится и он не может закончить фразу. На мгновение в лунном свете его глаза кажутся холодными и словно острыми.

— Если ты согласна, мы уедем прямо сейчас. Я со всем разберусь, с документами, с компанией. Но только по твоей воле.

В конце концов, куда может быть хуже? Разве что, он убьет ее, то это уже не кажется таким уж страшным исходом. Если он знаменит, то, вероятно, богат. Может, если он хочет помочь, он вытащит девочек?

— У меня есть просьба, — Сай с трудом разлепляет ноющие, опухающие губы. — Это незаконно.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.